

Мэкензи Уоллэсъ

РОССІЯ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІНСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІИ

О. В.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ О. И. БАКСТА.

1881.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ИНОСТРАННЫЕ ПОСЕЛЕНЦЫ ВЪ СТЕПИ.

Степь.—Разнообразіе племенъ, партій и религій.—Нѣмецкіе колонисты.— Въ какой степени русскіе подражательный народъ.—Менониты—Климать и лѣсоводство.—Болгарскіе поселенцы.—Греки, говорившіе по-татарски.— Еврей-земледѣльцы.—Обрусѣніе.—Червесскій шотландецъ.— Численность иностраннаго элемента.—Его общественное и политическое значеніе.

Въ Европейской Россіи борьба земледѣлія съ кочевымъ варварствомъ стала теперь дѣломъ прошлаго, и плодотворная степь, служившая впродолженіе многихъ столѣтій полемъ битвы для арійскихъ и туранскихъ племенъ, присоединена къ владѣніямъ царя. Кочевья племена были частью изгнаны, частью подверглись процессу полнаго «замиренія», а территорія, которую они такъ долго и такъ упорно отстаивали, теперь покрыта селами и воздѣлывается трудолюбивыми земледѣльцами.

Проѣзжая по этой странѣ, обыкновенный туристъ найдетъ мало интереснаго для себя. Опъ не увидитъ ничего, что могло бы имѣть претензію на живописность, и пропутешествуетъ нѣсколько дней, не имѣя никакого повода сдѣлать замѣтку въ своей записной книжкѣ. Однако, если онъ случайно окажется этнологомъ или лингвистомъ, онъ можетъ найти занятіе, потому что встрѣтится съ остатками самыхъ многообразныхъ племенъ и съ разнообразными чужеземными нарѣчіями, которыхъ хватило бы для испытанія способностей многоязычнаго Междофанта.

Это этнологическое разнообразіе есть результатъ политики, впервые принятой Екатериною II. Пока южная граница Россіи подвигалась впередъ медленно, прибавлявшаяся территорія обыкновенно наполнялась русскими крестьянами изъ центральныхъ губерній, которые стремились получить болѣе земли и болѣе свободы, чѣмъ та, которою они пользовались въ своихъ родныхъ селахъ. Но въ «славный вѣкъ Екатерины» граница подвинулась впередъ такъ быстро, что прежняго способа свободного переселенія было уже недостаточно для того, чтобы заселить присоединенную территорію. Поэтому императрица прибѣгла къ организованному переселенію людей изъ чужихъ странъ. Ея дипломатическимъ агентамъ было приказано употребить всевозможныя усилія, чтобы побудить ремесленниковъ и крестьянъ переселиться въ Россію; въ помощь стараніямъ дипломатовъ были посланы и спеціальныя агенты. Тысячи людей принимали приглашеніе и были поселены болѣею частью на той землѣ, которая еще недавно служила пастбищемъ кочевыхъ ордъ. Эта политика была принята также послѣдующими государями, и продолжалась, съ перерывами, до настоящаго времени. Вслѣдствіе этого южная Россія представляетъ теперь такое разнообразіе племенъ, какого, можетъ быть, не найдется нигдѣ въ Европѣ. Официальная статистика одной Новороссіи—т. е. губерній Екатеринославской, Таврической, Херсонской и Бессарабской—насчитываетъ слѣдующія національности: великороссовъ, малороссовъ, поляковъ, сербовъ, черногорцевъ, болгаръ, молдаванъ, нѣмцевъ, англичанъ, шведовъ, швейцарцевъ, французовъ, итальянцевъ, грековъ, армянъ, татаръ, мордву, евреевъ и цыганъ. Религіи почти также многочисленны. Статистика говоритъ о греко-православныхъ, римско-католикахъ, армяно-грегорианахъ, лютеранахъ, кальвинистахъ, англиканцахъ, менонитахъ, сепаратистахъ, пѣтистахъ, еврейхъ-каранмахъ,

евреяхъ-талмудистахъ, магометанахъ, и о многочисленныхъ русскихъ сектахъ, каковы—молокане и скопцы. Сама Америка едва ли можетъ показать такую пеструю страну въ статистикѣ своего народонаселенія.

Надо однако сказать, что этотъ списокъ, хотя онъ буквально вѣренъ, не даетъ истиннаго понятія о дѣйствительномъ народонаселеніи. Большая часть обитателей—русскіе и православные, между тѣмъ какъ различныя перечисленныя національности состоятъ изъ небольшого числа людей, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ на примѣръ французы, встрѣчаются исключительно въ городахъ. Но и въ сельскомъ народонаселеніи разнообразіе еще очень велико. Такъ, и въ теченіи трехъ дней, при самыхъ первобытныхъ способахъ передвиженія, посетилъ однажды колоніи: греческую, нѣмецкую, сербскую, болгарскую, черногорскую и еврейскую.

Изъ всѣхъ чужеземныхъ поселенцевъ, нѣмцы многочисленнѣе другихъ. Цѣль правительства, приглашавшаго ихъ селиться въ странѣ, заключалась въ томъ, чтобы они воздѣлывали незаселенную землю, и слѣдовательно увеличивали національное богатство, и чтобы они въ то же время цивилизующимъ образомъ вліяли на сосѣднихъ русскихъ крестьянъ. Въ послѣднемъ отношеніи, колонистамъ совершенно не удалось исполнить свою миссію. Русское селеніе, расположенное среди нѣмецкихъ колоній, не выказываетъ, насколько я могъ замѣтить, признаковъ нѣмецкаго вліянія. Каждая національность живетъ по себѣ *à part* и имѣетъ съ другою такъ мало сношеній, какъ только возможно. Мужикъ внимательно наблюдаетъ—потому что онъ очень любопытенъ—образъ жизни своихъ ближайшихъ сосѣдей, но никогда не думаетъ имъ подражать. Онъ смотритъ на нѣмцевъ почти какъ на существъ другого міра, какъ на удивительно хитрый и замысловатый народъ, надѣленный провидѣніемъ особенными качествами, которыхъ

не имѣть обыкновенное православное челоѣчество. Онъ считаетъ естественнымъ, что нѣмцы живутъ въ большихъ, свѣтлыхъ, хорошо устроенныхъ домахъ, точно также, какъ естественно, что птицы выютъ себѣ гнѣзда: и какъ челоѣку, вѣроятно, никогда не приходило въ голову вить гнѣзда для себя и своей семьи, такъ и русскій крестьянинъ не думалъ строить себѣ дома по нѣмецкому образцу. Нѣмцы — нѣмцы, а русскіе — русскіе, — вотъ и все тутъ.

Этотъ упорно-консервативный духъ крестьянъ, живущихъ по сосѣдству съ нѣмцами, доказываетъ несостоятельность часто повторяемаго и всюду принимаемаго увѣренія, будто русскіе народъ подражательный, сильно склонный перенимать манеры и обычаи великихъ иностранцевъ, съ которыми онъ приходитъ въ столкновение. Говорить, что русскій мѣняетъ національность такъ-же легко, какъ платье, и чувствуетъ великое удовлетвореніе, когда обладаетъ признаками чужой народности; но здѣсь мы имѣемъ важный фактъ, который повидимому доказываетъ противное.

Истина заключается въ томъ, что мы должны въ этомъ случаѣ отличать лицъ привилегированнаго класса отъ крестьянъ. Первые особенно склонны перенимать иностранныя манеры, костюмы и учрежденія; крестьяне, напротивъ, какъ и вездѣ, рѣшительно консервативны. Не слѣдуетъ однако же предполагать, что это происходитъ отъ различія расы. Подобно великому другому народу, русскіе сильно консервативны до тѣхъ поръ, пока остаются при томъ, что можно назвать ихъ первобытнымъ нравственнымъ складомъ, — т. е. пока внѣшнія обстоятельства не столкнутъ ихъ съ обычной традиціонной колеи. Дворяне были давно выбиты изъ старой колеи царемъ-реформаторомъ, и съ тѣхъ поръ постоянно металсь изъ стороны въ сторону, благодаря чужеземнымъ вліяніямъ, такъ что они никогда не могли пробить себѣ новую колею. Такимъ

образомъ, они легко вступаютъ на всякій новый путь, который считаютъ полезнымъ или пріятнымъ. Большая масса народа, напротивъ того, была слишкомъ тяжеловѣсна для того, чтобы оторвать ее такимъ образомъ отъ руководящаго вліянія привычки и традиціи, и потому она еще полна консервативнаго духа.

Въ подтвержденіе этого взгляда я могу привести два факта, часто привлекавшіе мое вниманіе. Первый изъ нихъ тотъ, что молokane постепенно уступаютъ нѣмецкому вліянію; становясь еретиками въ религіозномъ отношеніи, они освобождаются отъ самыхъ крѣпкихъ узъ, привязывающихъ ихъ къ прошлому, и скоро становятся еретиками и въ мірскихъ дѣлахъ. Второй фактъ тотъ, что даже православные крестьяне, поставленные обстоятельствами въ какую-нибудь новую сферу дѣятельности, охотно перенимаютъ все, что имъ кажется полезнымъ. Возьмемъ, для примѣра, крестьянъ, которые оставляютъ земледѣліе и принимаютъ за промышленныя предпріятія; очутившись, такъ сказать, въ новомъ мірѣ, гдѣ непримѣнны ихъ старыя традиціонныя воззрѣнія, они, не колеблясь, усваиваютъ чужеземныя понятія и чужеземныя изобрѣтенія. И разъ вступивши на этотъ путь, они являются болѣе смѣлыми новаторами, чѣмъ нѣмцы. Одинаково свободные какъ отъ путей наслѣдственныхъ представленій, такъ и отъ благоразумія, порождаемаго опытомъ, они часто даютъ полную волю своему импульсивному характеру, и легко рѣшаются на самыя рискованныя спекуляціи.

Поразительный контрастъ, представляемый нѣмецкой колоніей и русской деревней, находящимися въ непосредственной близости одна къ другой, часто приводился какъ доказательство превосходства тевтонской расы надъ славянской, а чтобы сдѣлать контрастъ еще ярче, брали обыкновенно менонитскія колоніи, въ качествѣ представителей нѣмцевъ. Не входилъ здѣсь въ сферу общихъ рассу-

женій, и долженъ замѣтить, что такой способъ аргументаціи едва-ли можно призвать добросовѣстнымъ. Мennonиты, жившіе прежде въ окрестностяхъ Данцига и эмигрировавшіе изъ Пруссіи, чтобы избѣжать воинской повинности, принесли въ свое новое отечество большой запасъ полезныхъ техническихъ свѣдѣній, значительные капиталы и получили гораздо большее количество земли, чѣмъ то, какимъ владѣютъ русскіе крестьяне. Кромѣ того, они пользовались, до самаго послѣдняго времени, многими важными привилегіями. Они были избавлены отъ военной службы, и почти совершенно свободны отъ налоговъ. Ихъ владѣнія пришли на самыхъ хорошихъ мѣстахъ. Въ матеріальномъ и моральномъ отношеніи они стояли гораздо выше большинства обыкновенныхъ нѣмецкихъ поселенцевъ, точно также, какъ эти послѣдніе стояли выше своихъ русскихъ сосѣдей. Даже въ самыхъ богатыхъ округахъ Германіи, ихъ благосостояніе должно было бы обратить на себя вниманіе. Сравнивать этихъ богатыхъ, привилегированныхъ, благовоспитанныхъ фермеровъ съ бѣдными, обремененными налогами, необразованными крестьянами, и выводить отсюда заключеніе о способностяхъ обѣихъ расъ, это такая очевидная нелѣпность, что не заслуживаетъ дальнѣйшихъ комментаріевъ.

Утомленному путешественнику, прожившему нѣсколько времени въ русскихъ селахъ, такая менонитская колонія покажется земнымъ раемъ. Въ маленькой долинькѣ, гдѣ-нибудь возлѣ воды, онъ вдругъ находитъ длинный рядъ домовъ, съ высокими кровлями, наполовину скрытыхъ за деревьями. Деревья окажутся при болѣе близкомъ изслѣдованіи просто молодыми отводками, но послѣ длиннаго путешествія по голой степи, гдѣ нѣтъ ничего похожего на дерево или кустъ, даже такая скудная листва кажется особенно привлекательной. Дома большіе, хорошо устроенные, и содержатся въ такомъ порядкѣ, что кажутся всегда

новыми. Комнаты убраны просто, безъ всякихъ претензій на эlegantность, но щепетильно чисты. Къ дому примыкають хлѣвъ и конюшня, которыхъ не постыдилась бы образцовая ферма Германіи или Англійи. Передъ домою находится обширный дворъ, который имѣеть такой видъ, какъ будто его метуть нѣсколько разъ въ день, а покaди—садъ, достаточно наполненный овощами. Фруктовыхъ деревьевъ и цвѣтовъ здѣсь не особенно много, потому что климатъ не благоприятствуетъ ихъ культивированію. Обитатели—простые, честные, степенные люди, съ нѣсколько неподвижнымъ умомъ, и равнодушные ко всему, что лежитъ за узкими предѣлами ихъ собственнаго маленькаго мірка, но довольно остроумные въ дѣлахъ, которыя они считаютъ достойными своего вниманія. Являясь къ нимъ въ качествѣ иностранца, вы найдете пріемъ ихъ нѣсколько холоднымъ, потому что они необщительны, осторожны, недвѣрчивы и не особенно любятъ вступать въ сношенія съ людьми, не принадлежащими къ ихъ сектѣ. Но если вы можете говорить съ ними на ихъ родномъ языкѣ и разсуждать о религіозныхъ предметахъ въ евангелическомъ тонѣ, вы легко побѣдите ихъ принужденность и несообщительность. Такая деревня не совсѣмъ удобна для продолжительнаго пребыванія, потому что строгій порядокъ и симметрія, которыя господствуютъ повсюду, скоро становится невыносимыми для каждаго, у кого нѣтъ въ жилахъ голландской крови *); но какъ временное мѣсто отдохновенія, въ теченія путешествія по степи, когда путникъ жаждетъ встрѣтить хоть немножко чистоты и комфорта, она очень пріятна. Можетъ быть, вслѣдствіе этого, назы-

*) Мennonиты первоначально были голландцы. Они переселились въ Пруссію въ XVI или XVII столѣтіи, и съ того времени забыли свой природный языкъ, но у нихъ сохранилась, среди другихъ характеристическихкихъ признаковъ, любовь къ порядку и симметріи.

вая менонитскую деревню маленькимъ земнымъ расемъ, я долженъ бы былъ прибавить—голландскимъ.

Тотъ фактъ, что менониты и нѣкоторые другіе нѣмецкіе колонисты успѣли развести нѣсколько хилыхъ деревьевъ. внушили нѣкоторымъ плодовитымъ умамъ идею, что посредствомъ лѣсоводства въ большихъ размѣрахъ можно бы противодействовать господствующей сухости климата, составляющей главное затрудненіе, съ которымъ приходится бороться земледѣльцу этой мѣстности. Этотъ проектъ, не смотря на то, что имъ серьезно занимался одинъ изъ министровъ его величества, долженъ показаться крайне непрактичнымъ всякому, кто знаетъ, сколько трудовъ и издержекъ стоило поселенцамъ создать эту пріятную тѣнь, которою они любятъ наслаждаться въ свободное время. Если на климатъ вообще и дѣйствуетъ существованіе или несуществованіе лѣсовъ, — вопросъ, относительно котораго ученые, кажется, не вполне согласны,—то сколько-нибудь значительное увеличеніе дождей можетъ быть произведено только лѣсами огромныхъ размѣровъ, а нелѣпо воображать, что такіе лѣса можно развести искусственно въ южной Россіи.

Послѣ менонитовъ и другихъ нѣмцевъ, заслуживаютъ небольшого замѣчанія болгарскіе поселенцы. Они поселились въ этой странѣ только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на той землѣ, которую оставили погайскіе татары, ушедшіе въ Турцію послѣ Крымской войны. Ихъ селенія имѣютъ, вслѣдствіе этого, еще нѣсколько голый, неоконченный видъ, но жители, кажется, уже находятся на пути къ благоденствію. Если я могу судить объ ихъ положеніи по одному торопливому посѣщенію, то долженъ сказать, что въ земледѣліи и домашнемъ своемъ быту они не очень далеко отстали отъ большинства нѣмецкихъ поселенцевъ. Ихъ дома, правда, невелики, такъ невелики, что болгарскій домикъ весь можетъ помѣститься въ одной менонит-

ской комнатѣ, но вокругъ нихъ замѣтны чистота и комфортъ, которые сдѣлали бы честь и нѣмецкой хозяйкѣ. Не смотря на все это, я безъ труда замѣтилъ, что болгары вовсе не радуются своему новому отечеству. Причина ихъ недовольства, насколько я могъ заключить по нѣсколькимъ лакопическимъ замѣчаніямъ, слышаннымъ отъ нихъ, кажется, слѣдующая. Повѣривши сильно прикрашеннымъ описаніямъ агентовъ, убѣждавшихъ ихъ перемѣнить правленіе султана на владычество царя, они пришли въ Россію въ ожиданіи найти тамъ плодородную и прекрасную обитованную землю. Но вмѣсто страны, текущей млекою и медомъ, они увидали голую степь, гдѣ даже воду можно было добывать только съ великимъ трудомъ, гдѣ не было тѣни, чтобы спастись отъ лѣтняго зноя, и ничего, что могло бы служить защитой отъ провзвительныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, которые часто проносятся надъ этими открытыми равнинами. Такъ какъ не было сдѣлано соответствующихъ распоряженій для ихъ пріема, то они прожили первую зиму у нѣмецкихъ колонистовъ, которые, какъ люди свободные отъ всякихъ славянофильскихъ симпатій, были, вѣроятно, не особенно гостепріимны къ своимъ ценошеннымъ гостямъ. Къ довершенію своего разочарованія, они узнали, что не могутъ культивировать винограда, и что ихъ нѣбжный душистый табакъ, составлявшій для нихъ жизненную потребность, можно получать только по очень высокой цѣнѣ. Они были такъ цутишны въ этомъ жестокомъ разочарованіи, что во время моего посѣщенія говорили о возвращеніи на свои старыя пенелица въ Турцію. Пережились-ли ихъ взгляды на этотъ предметъ, вълѣдствіе послѣднихъ происшествій на ихъ родинѣ,—этого я не могъ узнать.

Какъ примѣръ менѣе благосостоятельныхъ колонистовъ, я могу привести грековъ, говорящихъ по-татарски, въ окрестностяхъ Маріуполя, на сѣверномъ берегу Азовскаго

моря. Ихъ предки жили въ Крыму подъ властью татарскихъ хановъ и переселились въ Россію при Екатеринѣ II, прежде чѣмъ Крымъ былъ присоединенъ къ Русской имперіи. Они почти совершенно забыли свой старыи языкъ, но сохранили старую вѣру. Усвоивъ татарскій языкъ, они нѣсколько усвоили и татарскую лѣвь и анатію, и естественное послѣдствіе этого то, что они бѣдны и невѣжественны. Мноѣ кажется, что они имѣютъ поразительное сходство съ такъ называемыми крымскими татарами, и вслѣдствіе этого я склоненъ думать, что эти послѣдніе, собственно говоря, вовсе не татары, но эллыны, прилившіе языкъ и религію своихъ завоевателей.

Но изъ всѣхъ поселенцевъ этой страны самые бѣдные—евреи. Избранный народъ, конечно, весьма интеллигентная, промышленная, воздержная раса, и въ дѣлахъ покупки, продажи и мѣны они не имѣютъ себѣ соперника среди всѣхъ народовъ земли; но они слишкомъ давно привыкли къ городской жизни, чтобы быть хорошими земледѣльцами. Еврейскія поселенія въ южной Россіи были основаны въ видѣ опыта, чтобы увидать, можно-ли оторвать израильтянина отъ его традиціонныхъ занятій, и сдѣлать тѣмъ, что экономисты называютъ производительной частью общества. Опытъ не удался, и не трудно отыскать причину этой неудачи. Стоитъ только взглянуть на этихъ людей, съ худощавыми лицами и развалистой походкой, съ ихъ дряблыми туфлями и черными изношенными кафтанами, доходящими до пятъ, чтобы понять, что они здѣсь—вовсе не въ своей сферѣ. Ихъ дома находятся въ самомъ жалкомъ состояніи, и ихъ деревни напоминаютъ мерзость запустѣнія, о которой говорилъ пророкъ Даніилъ. Большая часть ихъ земли оставлена необработанной или сдава поселенцамъ другой расы. Тотъ маленькій доходъ, который они имѣютъ, добывается, главнымъ образомъ, промыслами болѣе или менѣе таинственнаго характера.

Какъ Скандинавія называлась *officina gentium*,—мастерской, въ которой производились новыя націи,—такъ Россію мы можемъ считать мастерскою, гдѣ плавятся обломки старыхъ націй, чтобы составить новое сложное цѣлое. Должно признаться, впрочемъ, что процессъ сплавления только-что начался.

Національныя особенности не сглаживаются въ Россіи такъ быстро, какъ въ Америкѣ или британскихъ колоніяхъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ я часто видалъ пѣмцевъ, прожившихъ въ странѣ только нѣсколько лѣтъ, которые уселенно старались быть американцами, смѣшно преувеличивая особенности американскихъ маперъ, объясняясь предпочтительно передъ своимъ роднымъ языкомъ на варварскомъ жаргонѣ, который они считаютъ англійскимъ, шумно изъявляя свою любовь къ американскимъ учрежденіямъ, и готовые принять за обиду всякое сомнѣніе въ томъ, что они настоящіе граждане великой республики. Среди пѣмецкихъ поселенцевъ Россіи я никогда не видалъ ничего подобнаго. Если-бы даже ихъ отцы и дѣды родились въ новой отчизнѣ, они сочтутъ для себя оскорбленіемъ названіе русскихъ. Они смотрятъ на русскихъ крестьянъ сверху внизъ, какъ на бѣдныхъ, цѣлѣжественныхъ, лѣнивыхъ и безчестныхъ, боятся типовой тиранніи и дасилия, ревниво сохраняютъ свой языкъ и обычаи, рѣдко говорятъ хорошо по русски, иногда совсѣмъ не говорятъ, и никогда не вступаютъ въ бракъ съ тѣми, отъ которыхъ они отдѣлены національностью и религіей. Русское вліяніе, впрочемъ, дѣйствуетъ сильнѣе на славянскихъ колонистовъ—сербовъ, болгаръ, черногорцевъ, которые исповѣдуютъ греко-православную вѣру, легче изучаютъ русскій языкъ, близко родственны ихъ собственному, не имѣютъ сознанія, что принадлежатъ къ культурной націи, и вообще обладаютъ природою болѣе гибкой, чѣмъ тевтонская.

Правительство въ настоящее время старается ускорить процесс славленія, отбирая привилегіи, дарованныя колонистамъ, и уничтожая особую администрацію, подъ которой они состояли. Эти мѣры—въ особенности военная повинность—могутъ, пожалуй, впоследствии уменьшить крайнюю обособленность пѣмцовъ; юноша, служа въ арміи, выучится по крайней мѣрѣ русскому языку и можетъ пѣсколько проникнуться русскимъ духомъ. Но въ настоящее время эта новая политика возбудила сильное враждебное чувство и значительно усилила духъ обособленности. Въ каждомъ пѣмецкомъ поселеніи можно услышать жалобы на русскую тиранию и неслепыми замѣчаніями насчетъ русскаго національнаго характера. Менониты считаютъ себя особенно обиженными этими такъ называемыми реформами. Они пришли въ Россію, чтобы избавиться отъ военной службы, въ полной увѣренности, что будутъ отъ нея избавлены навсегда, а теперь ихъ принуждаютъ дѣйствовать противъ религіозныхъ правилъ своей секты. Таковъ поводъ, съ которымъ они обращались къ правительству съ представленіями; но у нихъ есть еще другое, можетъ быть, болѣе важное основаніе противъ предполагаемыхъ перемѣнъ. Они чувствуютъ, какъ признавались мнѣ многіе изъ нихъ, что если-бы барьеръ, отдѣляющій ихъ отъ остальнаго населенія, былъ какимъ нибудь образомъ разрушенъ, они не могли бы долѣе сохранять ту суровую пуританскую дисциплину, которая теперь составляетъ ихъ силу. Вслѣдствіе этого, несмотря на то, что правительство готово было сдѣлать важныя уступки, сотни семействъ уже продали свое имущество и переселились въ Америку; это переселеніе еще продолжается. Во время посѣщенія менонитскихъ колоній въ 1872 и 1873 гг., я слышалъ отъ вліятельныхъ членовъ братства, что по крайней мѣрѣ половина менонитскаго населенія хочетъ покинуть страну и искать новаго

отечества на далекомъ западѣ. Движеніе, естественно, пробудило ихъ религиозный энтузіазмъ, начинавшій постепенно засыпать подъ вліяніемъ продолжительнаго благоденствія. Еще разъ напомнило имъ провидѣніе, что пока они живутъ въ мірѣ, они не свободны отъ него, и что она должны быть всегда готовы терпѣть за свою вѣру.

Очень возможно, что при новой системѣ администраціи, колонисты, исповѣдующіе вмѣстѣ съ русскими греко-православную вѣру, могутъ быстро обрусѣть; но я убѣжденъ, что другіе будутъ еще долго противиться всякому ассимилированію. Греческое православіе и протестантскій сектантанизмъ такъ радикально расходятся между собою по духу, что ихъ послѣдователи не входятъ въ смѣшанные браки; а безъ смѣшанныхъ браковъ невозможно двумъ національностямъ слиться въ одну.

Какъ примѣръ этнологическихъ курьезовъ, на которые можетъ неожиданно натолкнуться путешественникъ въ этой любопытной странѣ, я могу упомянуть о странномъ знаменствѣ, которое я сдѣлалъ во время путешествія по огромной равнинѣ, простирающейся отъ Азовскаго до Каспійскаго моря. Однажды и случайно замѣтилъ на своей дорожной картѣ имя «Шотландская колонія», близъ знаменитыхъ Пятигорскихъ водъ. Я находился въ это время въ Ставрополѣ, лежащемъ миль за восемьдесятъ къ сѣверу отъ этого пункта, и не могъ получить никакихъ удовлетворительныхъ свѣдѣній о томъ, что это была за колонія. Нѣкоторые свѣдущіе люди увѣрили меня, что она была дѣйствительно тѣмъ, на что указывало ея названіе, между тѣмъ какъ другіе съ такой-же увѣренностью утверждали, что это просто маленькое нѣмецкое поселеніе. Чтобы разъяснить дѣло, я рѣшился самъ посѣтить это мѣсто, хотя оно лежало мнѣ не по пути, и, согласно этому рѣшенію, очутился въ одно прекрасное утро въ этомъ селеніи. Первые встрѣченные мною обитатели были,

несомнѣнно, нѣмцы, которые объявили мнѣ, что ничего не слышали о существованіи шотландцевъ въ этой мѣстности ни теперь, ни въ прежнія времена. Это было разочарованіемъ, и я уже готовъ былъ повернуть назадъ и уѣхать, когда подошелъ молодой человекъ, оказавшійся содержателемъ школы, и, узнавши, что мнѣ нужно, посоветовалъ обратиться къ старому черкесу, который жилъ на концѣ селенія и былъ хорошо знакомъ съ мѣстной стариной. Отправившись къ указанному дому, я нашелъ почтеннаго старика, съ прекрасными правильными чертами черкесскаго типа, черными, какъ уголь, сверкающими глазами и длинной сѣдой бородой, которая сдѣлала-бы честь патриарху. Я кратко объяснилъ ему по русски цѣль моего посѣщенія, и спросилъ его, не знаетъ-ли онъ какихънибудь шотландцевъ въ округѣ.

— А зачѣмъ вамъ? отвѣчалъ онъ тоже по русски, устремивши на меня свои острые, сверкающіе глаза.

— Потому-что я самъ шотландецъ и надѣялся встрѣтить здѣсь соотечественниковъ.

Предоставляю читателю вообразить мое изумленіе, когда въ отвѣтъ на это онъ произнесъ часто по шотландски:

— О, вѣдь и я шотландецъ! Мое имя Джонъ Эберкромби. Слышали вы когда-нибудь о Джонѣ Эберкромби, знаменитомъ Единбургскомъ врачѣ?

Я былъ сильно смущенъ этимъ необыкновеннымъ заявленіемъ. Мнѣ было извѣстно имя д-ра Эберкромби, какъ практическаго врача и писателя по психологін, но я зналъ, что онъ давно умеръ. Нѣсколько оправившись отъ своего смущенія, я осмѣлился замѣнить загадочной особѣ, находившейся передъ мной, что, хотя онъ говорить несомнѣнно по шотландски, его лицо также несомнѣнно черкесское.

— Прекрасно, прекрасно, отвѣчалъ онъ, явно наслаждаясь моимъ недоумѣвающимъ видомъ, — вы не сомнѣваетесь. Я черкесскій шотландецъ.

Это необычайное признаніе не уменьшило моего смущенія, такъ-что и попросилъ своего новаго знакомаго, быть немного точнѣе, и онъ тотчасъ-же исполнилъ мою просьбу. Его длинную исторію можно передать въ нѣсколькихъ словахъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ Россію явилась партія шотландскихъ миссіонеровъ, желавшихъ обращать черкесскіи племена, и получила въ даръ отъ императора Александра I большое количество земли въ этомъ мѣстѣ, которое тогда приходилось на границѣ имперіи. Здѣсь они основали миссію и припались за дѣло; но скоро они увидали, что окружающее ихъ населеніе—не идолопоклонники, а мусульмане, и, слѣдовательно, недоступно для христіанства. Находясь въ этомъ затрудненіи, они попали на счастливую мысль покупать черкесскихъ дѣтей у ихъ родителей и воспитывать ихъ какъ христіанъ. Въ числѣ этихъ дѣтей, купленныхъ около 1806 года, находился мальчикъ, по имени Тіуна. Такъ какъ онъ былъ купленъ на деньги, пожертвованныя д-ромъ Эберкромби, то получилъ при крещеніи имя этого джентльмена, и считалъ себя пріемнымъ сыномъ своего благодѣтели. Въ этомъ заключалось разъясненіе тайны.

Тіуна или иначе м-ръ Эберкромби былъ человѣкъ болѣе чѣмъ средняго ума. Кромѣ своего роднаго языка, онъ зналъ въ совершенствѣ англійскій, нѣмецкій и русскій, и увѣрялъ меня, что знаетъ также хорошо много другихъ. Его жизнь была посвящена миссіонерскому труду и въ особенности переводу и печатанію Библіи. Онъ трудился сперва въ Астрахани, потомъ четыре съ половиною года въ Персіи—на службѣ у Базельской миссіи—и затѣмъ шесть лѣтъ въ Сибири.

Шотландская миссіа была уничтожена императоромъ Николаемъ, около 1835 года, и всѣ миссіонеры, за исключеніемъ двухъ, возвратились на родину. Сынъ одного

изъ этихъ двухъ, Голлоуэй, единственный, оставшійся въ колоніи настоящій шотландецъ. Но за то здѣсь есть много «черкесскихъ шотландцевъ», большинство которыхъ женилось на нѣмкахъ. Другіе обитатели—нѣмецкіе колонисты Саратовской губерніи, и языкъ, на которомъ обыкновенно говорятъ въ селеніи—нѣмецкій.

Слыша такъ много о чужеземныхъ переселенцахъ, татарскихъ припелыцахъ и финскихъ аборигенахъ, читатель, естественно, пожелаетъ узнать численное отношеніе чужеземнаго элемента въ сравненіи съ чисто русскимъ населеніемъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ статистическихъ цифръ относительно этого предмета, но можемъ сказать приблизительно, что изъ 61.000,000 жителей Европейской Россіи—за исключеніемъ Финляндіи, Польши и Кавказа—болѣе 12.000,000, или одной пятой,—иностраннаго происхожденія.

По Обручеву («Военно-Статистическій Сборникъ») различными племена представляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Арійскіе народы:

Литовцы	2.343,000	
Поляки	960,000	
Молдаване	875,000	
Нѣмцы	661,000	
Греки	47,000	
Болгары	40,000	
Армяне	33,000	
	<hr/>	4.959,000

Семитическая раса:

Евреи	1.631,000	
	<hr/>	1.631,000

Туранскіе народы:

Финны	3 038,000	
Татары собственно	1.312,000	
Вашкиры и род. племена	1 037,000	
Киргизы	146,000	
Калмыки	86,000	
	<hr/>	5.619,000
Не вошедшіе въ эту классификацію,	103,000	
	<hr/>	103,000

12,312,000

Такимъ образомъ, мы видимъ, что—

Русскіе составляютъ . . .	79.89	проц. народонаселенія.
Другіе арійскіе народы . . .	8.11	»
Семитическіе » . . .	2.67	»
Туранскіе » . . .	9.17	»
Разныя другіе » . . .	0.16	»

О социальномъ и политическомъ значеніи этого чужеземнаго элемента мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе по статистикѣ вѣроисповѣданій, которою мы обладаемъ. Въ Россіи религія и національность, практически говоря, такъ тѣсно связаны между собою, что становятся почти идентичными; и мы можемъ быть совершенно увѣрены, что тѣ, которые сдѣлались членами національной церкви, или уже обрѣли, или стоятъ на пути къ этому. Разматривая такимъ образомъ національность съ социальной точки зрѣнія, мы найдемъ, что чужеземный элементъ нѣсколько уменьшается въ объемѣ *). Изъ 61,000,000, составляющаго народонаселеніе Европейской Россіи въ вышеобъясненномъ значеніи, около 9,000,000 не-православные. Изъ нихъ почти 3,000,000 римско католиковъ; болѣе 2,000,000 протестантовъ; около полутора милліона евреевъ; два милліона магометанъ; и 86,000 буддистовъ.

Географическое распредѣленіе этихъ сектъ достойно вниманія. Въ губерніяхъ, лежащихъ близъ западной границы, мы находимъ вліяніе запада, въ формѣ римскаго католицизма и протестантизма, а въ восточныхъ губерніяхъ замѣчаемъ вліяніе азіатскаго Востока, въ формѣ ламанизма и ислама. Такимъ образомъ, по религіознымъ вѣрованіямъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, Россія составляетъ связующее звено между Европой и Азіей.

*) Это уменьшеніе подтверждается фактомъ, что финны въ собственной Россіи (3,038,000)—православные.